

Гусельцева М.С. Интеллектуальные исследовательские традиции как вопрос исторической психологии культуры

English version: [Guseltseva M.S. Intellectual research tradition as a matter of historical psychology of culture](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Представлена концепция культурно-аналитического подхода, построенного на разных уровнях методологии науки. Культурно-аналитический подход рассматривается как средство интеграции междисциплинарного знания психологии и социогуманитарных наук. В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода предлагается обоснование исторической психологии культуры как междисциплинарной области исследований. Обсуждаются тематические поля «культурной психологии», «психологии культуры», «исторической психологии». Историческая психология культуры представляет собой метаанализ как культурно-психологических представлений, развивавшихся на протяжении всей эволюции психологического знания, так и концепций, оперирующих категориями «история – психика – культура». В качестве одного из вопросов исторической психологии культуры рассматривается необходимость дифференциации интеллектуальных исследовательских традиций в европейской науке. Данные традиции выделяются посредством аналитического конструкта М.Вебера «идеальный тип». Обсуждается также проблематика национальной специфики науки и трудности перевода с одного научного дискурса на другой.

Ключевые слова: методология, культурно-аналитический подход, историческая психология культуры, интеллектуальные исследовательские традиции, национальная специфика науки

Культурно-аналитический подход как методология для культурно-психологических исследований

На протяжении последнего десятилетия нами развивается культурно-аналитический подход, который представляет собой совокупность общих положений, методологических принципов и исследовательских установок, направленных на разносторонний анализ широкого класса взаимосвязанных феноменов и реальностей, разворачивающихся в системе координат: история – практики (повседневность) – психика – культура [1]. Культурно-аналитический подход был сконструирован с целью не только решения задач интеграции культурно-психологического знания в психологии и смежных науках, но и освоения понятия «культура» в качестве психологической категории [2], а также активного использования в психологии методологии гуманитарного познания [Гусельцева, 2002, 2007b, 2013b].

Культурно-аналитический подход представлен нами как общенаучная (в гуманитаристике) и конкретно-научная (в гуманитарных аспектах психологического знания) методология [Гусельцева, 2009]. На философском и общенаучном уровнях методологии науки культурно-аналитический

подход разворачивается в пространстве трех координат – идеал постнеклассической рациональности (в науковедении), культурно-историческая эпистемология (в философии), антропологический поворот (в методологии гуманитарного знания). Таким образом, он уверенно укоренен на разных уровнях методологии науки. Если культурно-историческая эпистемология занимает философский и общенаучный уровни методологии науки, то сам культурно-аналитический подход – общенаучный и конкретно-научный, а культурно-психологический анализ – конкретно-научный и инструментальный. Именно возможность быть представленными в форме двуликого Януса, то есть обращенными лицом к вышележащему и нижележащему уровням методологии науки, позволяет культурно-исторической эпистемологии, культурно-аналитическому подходу и культурно-психологическому анализу выступать в роли инструментария интеграции разных аспектов знания и участвовать в практике разноуровневого перевода.

Итак, на *философском уровне методологии науки* культурно-аналитический подход раскрывается в горизонтах постнеклассической парадигмы, культурно-исторической эпистемологии, неокантианской интеллектуальной традиции. При этом следует держать в уме, что сами по себе постнеклассический тип рациональности, культурно-историческая эпистемология и неокантианская антропологическая традиция существуют как на философском, так и на общенаучном уровнях методологии науки. Поэтому на *общенаучном уровне методологии науки* мы имеем культурно-аналитический подход как таковой, представленный в качестве общенаучной методологии не только психологии, но и гуманитарного познания, а на *конкретно-научном уровне методологии науки* речь уже идет о культурно-аналитическом подходе, простирающемся в области психологии и охватывающем гуманитарные сферы психологического знания. При этом культурно-историческая эпистемология, «эманлирующая» с философского и общенаучного на конкретно-научный уровень психологической науки, названа нами *культурно-психологической эпистемологией*, а культурно-аналитический подход в аспектах практического взаимодействия гуманитарных сфер психологии и смежных областей гуманитарного знания – *культурно-психологическим анализом*. В дальнейшем культурно-психологический анализ появляется и на *инструментальном уровне методологии науки* как метод интеграции психологического и гуманитарного знания.

Таким образом, в плане конструктивного разнообразия исследовательских программ[3] культурно-аналитический подход простирается от философских до эмпирических пределов психологического знания. Данная континуальность позволяет нашему методологическому инструментарию быть адекватным для изучения как «текучей современности» в целом, так и дифференцированных культурно-психологических реальностей (например, феноменологии возраста, идентичности, нации, социального пространства, феномена российской интеллигенции и т.п.). Так, культурно-историческая эпистемология (в сочетании с постнеклассическим типом рациональности и неокантианской антропологической традицией) становятся философскими источниками (горизонтами) для *исследовательской программы первого порядка* – культурно-аналитического подхода как общенаучной методологии, переводимой в психологическое знание на уровень конкретно-научной методологии. Затем при обращении постнеклассической методологической оптики с конкретно-научного уровня методологии в сторону гуманитарного опыта смежных наук культурно-аналитический подход становится *исследовательской программой второго порядка*, создающей историческую психологию культуры как междисциплинарную сферу исследований.

В пространстве психологического знания, решая те или иные исследовательские задачи, культурно-аналитический подход выступает в качестве методологического инструментария междисциплинарной коммуникации – культурно-психологического анализа (а его теоретическое обоснование является *исследовательской программой третьего порядка*). Более того, разнообразие исследовательских задач позволяет в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода продуцировать собственные исследовательские программы – например, при изучении феноменологии российской интеллигенции, систематизации творческого наследия украинского энциклопедиста В.А.Роменца, реконструкции культурно-психологической интеллектуальной традиции в сфере отечественной гуманитаристики, изучении социального пространства в качестве текущей культурно-психологической реальности (подробнее см.:

[Гусельцева, 2007b, 2012, 2013a]).

В развороте историко-методологического анализа культурно-аналитический подход позволяет представить эволюцию психологического знания в сочетании следующих координат: смене типов рациональности, становлении интеллектуальных исследовательских традиций и тенденций современной познавательной ситуации.

Таким образом, культурно-аналитический подход выступает в двух ракурсах – как историко-методологический анализ (при взгляде в прошлое), выявляющий, например, интеллектуальные традиции, и как исследовательская программа (при взгляде в будущее), набрасывающая эскиз новых направлений – например: исторической психологии культуры. Если при взгляде через постнеклассическую методологическую оптику в прошлое культурно-аналитический подход выявляет интеллектуальные традиции и методологические предпосылки психологических подходов и школ; если при интерпретации настоящего он опирается на практику культурно-психологического анализа как средство междисциплинарной коммуникации; то при взгляде в будущее культурно-аналитический подход выступает в качестве методологического горизонта, как для конструирования новых исследовательских областей, так и «плавающего» основания полипарадигмального синтеза при изучении текущих и сложных культурно-психологических реальностей.

Эмпирическим материалом для историко-методологических исследований служит история науки. Применение культурно-аналитического подхода к эволюции психологического знания позволило нам не только рассмотреть последнюю через смену типов рациональности в психологии, но и выявить культурно-психологическую специфику ведущих интеллектуальных исследовательских традиций, тем самым совмещая вертикальные и горизонтальные пласты анализа (диахронию и синхронию, анализ, собирающий утраченное время, и анализ, плетущий интеллектуальные сети), а также восстанавливая преемственность прошлого и настоящего в психологической науке и способствуя интеграции разнообразных исследовательских направлений. Итогом этого явилась сложная (разноуровневая) периодизация психологического знания, опирающаяся на смену типов рациональности, как в эволюции психологического знания в целом, так и в развитии отдельных психологических школ, а также историческая психология культуры, детализирующая социокультурные и культурно-исторические контексты становления ведущих психологических подходов и выделения национальных исследовательских традиций [Гусельцева, 2013b].

Культурно-аналитический подход достигает творческого синтеза через аналитическую дифференциацию. Это общая характеристика методологического подхода, ибо всякий подход стремится к интеграции, особенным же являются психологическая трактовка культуры, аналитический инструментарий и методологическая оптика. В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода нами был синтезирован исследовательский инструментарий социогуманитарных наук, включающий в себя «идеальные типы», «типы рациональности», «анализ через синтез», приемы «деконструкции» и «реконтекстуализации», а методологическая оптика постнеклассического типа рациональности служила включению прошлого в настоящее. Специфика культурно-аналитического подхода – его рефлексивная дифференциация, в том числе возможность прослеживать в эволюции знания чистые и смешанные аналитические линии.

Используя типы рациональности в качестве аналитического инструмента для дифференциации и систематизации историко-психологического знания, культурно-аналитический подход осуществлял их *перевод* с философского и общенаучного на конкретно-научный уровни методологии науки. Движение через дифференциацию (аналитику) к синтезу соединяло разноуровневые слои реальности, а опора на семантический анализ позволяла как обнаружить за разными названиями одну реальность, так и за общим названием увидеть их различия. Открытость к полипарадигмальному синтезу проявлялась в сочетании диахронии – *анализа, собирающего время* (ретроспектива исследовательских традиций) и синхронии – *анализа, плетущего сеть* (интерпретация и синтез знания в современной познавательной ситуации).

При конструировании исторической психологии культуры в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода аналитической дифференциации подлежат также исследовательские области «культурной психологии» и «психологии культуры», «истории психологии» и «исторической психологии».

Культурная психология и психология культуры

Предметом психологической рефлексии культура стала довольно поздно, а именно, когда появились кросскультурные и этнопсихологические исследования, а психологи лицом к лицу столкнулись с реальностью разных культур. Возникли такие направления, как психологическая антропология, культурная психология, этническая психология, историческая психология и иные, ставящие категорию культуры во главу угла и делающие единство психики и культуры предметом изучения. В методологическом плане анализа данное многообразие исследований, на наш взгляд, было бы уместно объединить под рубрикой *историческая психология культуры* [Гусельцева, 2013b]. Историческая психология культуры – это анализ через синтез разнообразных культурно-психологических изысканий в сфере психологии и социогуманитарных наук.

Таким образом, историческая психология культуры есть мета-аналитика культурно-психологических представлений, развивавшихся на протяжении эволюции психологического знания, и концепций, оперирующих категориями «история – психика – культура». Здесь следует обсудить, каким образом историческая психология культуры соотносится с иными уже известными направлениями исследований. Так, в научных статьях и обсуждениях на форумах в последние десятилетия используются термины «психология культуры», «культурная психология», «историческая психология», «культурно-историческая психология», даже «культуральная психология» (последнее, судя по всему, есть механическая калька перевода с английского – *cultural psychology*). «Психология культуры» получила в отечественной интеллектуальной традиции институализацию прежде всего в качестве спецкурса, читаемого студентам-культурологам [Улыбина, 2004; Шилков, 1998]. Отличительной особенностью этой познавательной области является междисциплинарность, а психологическое знание здесь направлено на интерпретацию феноменов культуры. Таким образом, культура в целом как предмет психологического изучения и анализ отдельных культурно-психологических феноменов представляет собой тематическую область *психологии культуры*.

В чем различие культурной психологии и психологии культуры? *Культурная психология* обращается к обозначенной исследовательской области в составе психологического знания, тогда как психология культуры относится к культурологическому знанию, и встреча психики и культуры происходит здесь на разных дисциплинарных территориях. В свою очередь, экспансия психологического знания в области смежных и прикладных наук приводит к появлению новых научных направлений.

Если мы обратимся к эволюции гуманитарного знания, то в ней имели место две тенденции: *психологизм* и *антипсихологизм* (в частности, это можно наблюдать в становлении истории и культурологии XX в.) [Сорина, 1989]. Зачем историкам культуры понадобилось обращение к психологии? Каким образом это помогло обогатить их собственные методологические схемы? Согласно Ю.М.Шилкову, «понятия и принципы психологии приобретают значение предельных оснований культуры, оживляя, обогащая и разнообразя ее смысловые выражения» [Шилков, 2001]. В научных публикациях появившаяся в самые последние годы психология культуры отражает разнообразие авторских представлений [Вежицкая, 1996; Гомбрих, 1999; Улыбина, 2003; Шилков, 1998, 2001]. Согласно Е.В.Улыбиной, «психология культуры – это область психологии, задача которой состоит в объяснении различных сторон человеческой культуры (искусства, религии, языка, экономики, общества и т.д.) с психологической точки зрения» [Улыбина, 2004].

Если же мы обратимся к идеальному моделированию повседневной культурно-психологической реальности, то можем выделить в нашем анализе два процесса, условно характеризуемые как интериоризация и экстериоризация: подчиняясь логике заявленного ритма, с одной стороны, культурные миры становятся психикой человека, а с другой – человеческая психика оборачивается мирами культуры. Данное основание для дифференциации исследовательских областей демонстрирует, что первый процесс есть предмет исследования культурной психологии, а второй – психологии культуры.

Таким образом, психология культуры и культурная психология – отнюдь не синонимы, их отличает разный фокус исследования и различное конструирование изучаемой реальности. Так, психология культуры предполагает, что психологи выходят здесь на новую исследовательскую тропу: отправляются изучать феномены культуры, вооруженные собственно психологической эпистемологией и методологической оптикой. Культурная психология исследует роль культуры в формировании психики (психика в связи с культурой). Психология культуры изучает миры культуры, отдельные ее феномены и реальности как предпосылки и плоды работы человеческой психики (культура в связи с психикой).

Однако в современной познавательной ситуации, одним из трендов которой является переход от закрытых дисциплинарных миров к открытому мультидисциплинарному пространству, закономерно возникают следующие вопросы: так ли необходимо деление на две дисциплины или же следует объединить многообразие исследовательских областей под общим названием? Например, А.Г.Асмолов, интерпретируя наследие Л.С.Выготского в гуманистически-романтическом ключе, довольно широко трактует и исследовательскую область культурно-исторической психологии (отечественного варианта движения психологии к истории и культуре): «Тот, кто погружается в сокровенный замысел культурно-исторической психологии, тот явно и неявно переходит от анализа сознания вне культуры и культуры вне сознания к постижению тайны взаимопереходов, преобразований социальных связей в мир личности и сотворения личностью из материала этих связей миров человеческой культуры. Осознать исходный замысел культурно-исторической психологии и означает увидеть в ней венчающую знания о развитии человека в природе и обществе дисциплину, предметом которой является понимание механизмов преобразования культуры в мир личности и порождения в процессе развития личности культуры» [Асмолов, 1993, с. 6].

Однако когда речь идет о культурно-исторической психологии, возникает вопрос: правомерно ли использовать в качестве синонимов термины «культурно-историческая психология» и *cultural psychology*? Насколько взаимозаменяемы эти названия в практике перевода? Например, книга М.Коула была переведена под именем «культурно-исторической психологии», тогда как в оригинале она вышла под названием *cultural psychology* [Cole, 1996]. На сегодняшний день сложилось устойчивое представление, что обозначенная исследовательская область (культурно-историческая психология) гораздо шире одноименной концепции Л.С.Выготского [Гусельцева, 2002, 2007b; Зинченко, Пружинин, Щедрин, 2010]. Таким образом, если последовать вышеизложенной логике, то можно утверждать, что культурно-историческая и культурная психология изучают, как культура и история формируют психику, а вот каким образом психика творит культуру и историю (разные истории), в таком случае должны изучать соответственно психология культуры и психология истории. Всю эту текучую исследовательскую реальность в концептуальных рамках культурно-аналитического подхода мы объединяем *под общим названием исторической психологии культуры*.

Теперь нам остается прояснить вопрос о терминологических различиях исторической психологии культуры, психологии культуры и исторической психологии. (В нашей трактовке историческая психология культуры включает в себя исследовательские области как психологии культуры, так и исторической психологии.)

Согласно Ю.М.Шилкову, психология культуры – новая, становящаяся культурологическая дисциплина, автор подчеркивает ее «предметную расплывчатость». Ему же принадлежит наиболее

четкое и обоснованное разведение предметных исследовательских областей. «Если культурная психология – это дисциплина, изучающая роль культуры в психической жизни человека, то психология культуры, напротив, – дисциплина, изучающая психологические особенности культуры» [Шилков, 2001]. Однако как называть себя исследователем, который не делит реальность на дихотомию и для которого взаимопревращение культуры и психики – единый процесс, не разрываемый даже в абстрагировании? Если ученый изучает, каким образом культура порождает психику и как психика конструирует культурные миры? (Как было показано выше, именно так понимает замысел культурно-исторической психологии А.Г.Асмолов.)

Как делят между собой сферы влияния история психологии, историческая психология и психология истории? Историческая психология изучает психику в сменяющих друг друга культурно-исторических эпохах, история психологии изучает эволюцию психологического знания в контексте истории науки и истории культуры, а психология истории – психологические особенности исторического процесса. Однако здесь вновь обнаруживается условно разорванное знание. Как именовать себя специалистом, который воспринимает выделенные исследовательские потоки в качестве текущих граней единого феномена? Любое из названий будет узко, как условно и наше название культурно-психологического анализа для скользящего и стереоскопичного исследования культурно-психологических реальностей, включающее в себя разновидности анализов философского, семантического, исторического, генеалогического и т.д. [Гусельцева, 2009]. Для того чтобы изучать психологические различия культур или людей, живущих в этих культурах, нужны ли нам разные дисциплины? «Культуры отдельных эпох и народов – в значительной мере обусловлены психологической специфичностью этих исторических эпох и народов» [Там же].

Более того, психология культуры для Ю.М.Шилкова – прежде всего антропологическая дисциплина. «Сегодня все отчетливее пробивает себе дорогу убеждение, что историческую аналитику любого явления культуры, так же как и культуры отдельных исторических эпох или культуры в целом, нельзя считать исчерпывающей, если она исключает обсуждение их психологических значений» [Шилков, 2001, с. 310]. Таким образом, выделенные исследовательские поля представляют собой сфокусированные познавательные реальности, находящиеся в общем контексте наук о человеке.

Прежде чем перейти к проекту исторической психологии культуры, обсудим отечественную историческую психологию в качестве отдельного исследовательского направления.

Историческая психология

Данная познавательная реальность была обозначена в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей [Анцыферова, 1967; Белявский, 1985; Белявский, Шкуратов, 1982; Гуревич, 2005; Кривцун, 1990, 1997; Мандру, 2010; Февр, 1991; Шкуратов, 1991, 1994; Barbu, 1960; Duby, 1961; Mandrou, 1961; Meyerson, 1948; van den Berg, 1961, 1962; Vernant, 1965]. Предпосылки возникновения исторической психологии заложены во французской исторической школе «Анналов», в исследованиях И.Мейерсона, Ж.-П.Вернана, в направлении американской психоистории. Следует также отметить, что методология американской психоистории и европейской исторической психологии отличалась «принципиальным эклектизмом». Согласно И.Г.Белявскому, одному из отечественных основателей данного направления, историческая психология есть «наука о происхождении психических деятельности в истории культуры» [Белявский, 1985, с. 13]. Цель исторической психологии – «реконструкция психического облика ушедших в историю поколений людей и на этой основе изучение путей и особенностей психического облика ушедших в историю поколений людей и на этой основе изучение путей и особенностей психического развития человечества» [Там же, с. 3].

Если историческая психология опирается на принципы историзма и единства психики и культуры, то историческая психология культуры придерживается основных положений культурно-

аналитического подхода, в том числе принципа взаимопревращения психики и культуры. Если культурно-аналитический подход важную роль отводит необходимости дифференциации культурно-психологической реальности (в том числе и семантической дифференциации понятия «культура») и сотрудничает здесь с методами семантического анализа [Барт, 1994], то историческая психология, как правило, опирается на деятельностный подход [Романов, 1991]. Так, И.Г.Белявскому принадлежит деятельностное определение культуры: «культура – это совокупность принципов, правил и способов человеческой деятельности, продуктов труда и творчества, возникающих на основе объективных законов общественного развития и обусловленных ими психологических и социально-психологических черт человека, реализующих себя в конкретных исторических обстоятельствах» [Белявский, 1985, с. 8]. Проблему взаимоотношений психики и личности он осмысливал посредством соотношения формы и содержания, всеобщего и исторически-конкретного: «психика выступает как единство психических техник, обеспечивающих деятельность в ее познавательных, эмоциональных и волевых аспектах, а личность – структура, способная наполнять эту деятельность конкретным содержанием» [Там же, с. 17].

Выстраивая историческую психологию, И.Г.Белявский и В.А.Шкуратов обращались к психологической интерпретации опыта минувших веков, сосредотачиваясь на Античности, Средневековье и Новом времени [Белявский, Шкуратов, 1982; Шкуратов, 1994]. Так, важной категорией в исторической психологии И.Г.Белявского становится «социальное пространство» (хотя такого термина он не использует). Античный человек определял себя в Космосе (это было его культурно-психологическое пространство), тогда как историческое и социально-психологическое пространство средневекового человека простиралось между «двумя точками, ограничивающими срок существования всего земного – сотворением мира и Страшным судом» [Там же, с. 20]. Здесь же совершилась и смена темпоральной концепции: культурно-психологический переход от циклического времени к линейному, устремленному из прошлого в будущее. «Если в античном представлении все исторические персонажи вращаются по замкнутой траектории космического круговорота, то средневековое мировоззрение заставляет все эпохи двигаться параллельно, помещая труднодостижимым для современного рассудка образом на шкалу одной индивидуальной жизни все времена и народы» [Там же, с. 21]. Средневековый человек живет не только в реальном земном времени, но и во времени сакральном, и эта сакральная отнесенность к течению иной истории влияет на особенности его социализации и развитие личности (концепция спасения души выступает здесь в роли суперэго). Средневековый человек «ощущает, осознает себя сразу в двух временных планах: в плане локальной преходящей жизни и в плане общеисторических, решающих для судеб мира событий...» [Там же]. Однако то, что на примере (феноменологии) средневекового психического мира видно отчетливо, присутствует латентно и неявно и во всякой другой эпохе и обнаруживается, делается видимым лишь тогда, если становится предметом рефлексии.

В Новое время берет истоки и зарождается философия истории, возникают концепции исторического прогресса человечества. Эти концепции простираются в континууме между полюсами уникальных, неповторимых, своеобразных культурно-исторических типов и универсальных, всеобщих закономерностей разворачивания всемирной истории. Все прожитые в истории культуры времена – мифологическое, теологическое, эпистемологическое... – не покоятся ли они как пласты в психике современного человека, и не могут ли быть востребованы к жизни особого рода «ключевыми стимулами»? (Так, например, актуализацию «феодалного сознания» и «воинствующего мракобесия» мы наглядно переживаем в наши дни [Пастухов, 2007].) Выявление данных (археологических) пластов в психике современного человека становится одной из практических задач исторической психологии культуры. Культурно-аналитический подход в этом аспекте анализа опирается на эпистемологию М.Фуко, идеи постструктурализма (Р.Барт, Ж.Деррида) и постнеклассической аналитической философии (Р.Рорти).

Историческая психология, развиваемая И.Г.Белявским и В.А.Шкуратовым, также предполагала диалог с гуманитарным познанием. Среди цикла гуманитарных наук И.Г.Белявский отметил социальную философию и теорию культуры, социологию и науковедение, историческую

эпистемологию и искусствоведение как контакты психологической науки. На стыке психологии и истории, в контексте общего человекознания и развивается историческая психология. «Психоисторическое теоретизирование не является произвольным. Оно опирается на данные смежных наук, учитывает закономерности общения исследователя с памятниками прошлого, выводит их из мировоззренческих позиций ученого и особенностей главного инструмента познания прошлого – его ума и личности» [Там же, с. 8]. Общенаучное поле гуманитарных дисциплин создает потребность в конкретно-научной методологии как психолого-исторического, так и культурно-аналитического исследования. И.Г.Белявский сформулировал эту мысль так: «Психолого-исторические проблемы оказываются в центре теоретических исканий широкого комплекса гуманитарных дисциплин. При этом довольно четкое понимание места субъективного компонента в общественно-историческом и культурном процессах, тяготение к психолого-антропологическим сюжетам сочетается с малой разработанностью методологии, методов, концептуального аппарата анализа психологической истории» [Там же, с. 4].

Историческая психология культуры

Культурно-аналитический подход, выступая на общенаучном и конкретно-научном уровнях методологии науки, создает эпистемологические координаты для разворачивания *исторической психологии культуры* как междисциплинарного направления исследований на стыке психологии, истории и культуры. В этих координатах историческая психология культуры опирается на постнеклассический идеал рациональности, культурно-историческую эпистемологию и методологию гуманитарного познания.

Если культурная психология исследует роль культуры в формировании психики (психика в связи с культурой), психология культуры изучает миры культуры, отдельные ее феномены и реальности как предпосылки и плоды работы человеческой психики (культура в связи с психикой), историческая психология воссоздает психический облик людей минувших эпох, а история психологии интерпретирует идеи и психологические воззрения мыслителей, то одной из приоритетных задач исторической психологии культуры, наряду с метаанализом всех вышеобозначенных направлений, является изучение социокультурных и культурно-исторических предпосылок психологического знания, в том числе выявление интеллектуальных исследовательских традиций. Таким образом, в контексте исторической психологии культуры нами ставится отдельная исследовательская задача дифференциации национальных интеллектуальных традиций ведущих европейских психологических школ.

В концептуальных рамках культурно-аналитического подхода нами уже было введено, теоретически обосновано и практически использовано понятие «интеллектуальная исследовательская традиция» [Гусельцева, 2013b]. Следует отметить, что интеллектуальные исследовательские традиции выделяются здесь в качестве «идеальных типов» (М.Вебер) – это означает, что не следует их онтологизировать и буквально искать в истории науки: идеальный тип есть лишь средство систематизации эмпирического материала под определенным углом зрения^[4]. Идеальный тип – «мысленная конструкция для измерения и систематической характеристики *индивидуальных*, то есть значимых в своей единичности связей» [Вебер, 1990, с. 400]. Цель идеального моделирования – воссоздать и «довести до сознания *не* родовые признаки, а *своеобразие* явлений культуры» [Там же, с. 402]. *Идеальный тип – продукт фантазии, а не эмпирии*. «Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более чужды миру, тем лучше они выполняют свое предназначение» [Там же, с. 501]. Важно помнить, что идеальный тип есть интеллигибельная реконструкция реальности с выделением и усилением значимых для исследователя связей.

Таким образом, культурно-аналитический подход выступил как исследовательская программа для конструирования исторической психологии культуры, а в контексте последней нами была проведена дифференциация национальных исследовательских традиций психологических школ –

английской, французской, немецкой, американской и российской [Гусельцева, 2013b].

Интеллектуальные исследовательские традиции

Понятие «интеллектуальная традиция» получило в историко-научно-исследовательских публикациях распространение на рубеже XX–XXI вв. (см., например: [Валицкий, 1991; Интеллектуальные традиции античности..., 2010; Кауппи, 2000; Репина, 2008; Робинсон, 2005]), сама же исследуемая реальность была от-refлексирована гораздо раньше и известна под термином «национальная наука» [Романовская, 1998]. За последним лежало представление о национальной специфичности науки, ее зависимости от культурно-исторического контекста, от стоящих перед конкретным обществом социокультурных и познавательных задач. Данный конструкт встречается в вариациях «интеллектуальная традиция», «исследовательская традиция», «национальная традиция». В психологической науке он использован в статье А.Н.Ждан [Ждан, 2010].

Нами выделено лишь пять национальных интеллектуальных традиций. Это сделано не потому, что их число ограничено, а потому что сама по себе эволюция психологического знания прослеживается нами на материале европейской культуры. Японская, китайская, индийская, тибетская и т.п. интеллектуальные традиции отечественной психологией практически не освоены. Наши учебники опираются на западную историю психологии. И в этом контексте содержание образования дает вполне однозначный ответ на вопрос о гражданской идентичности россиян: наши идеалы рациональности – это идеалы европейской науки, берущей исток в Новое время, в эпоху Просвещения. Эпоха Просвещения отличалась рефлексивной сложностью по отношению к процессам модернизации культуры, а ее итогом стала выработка нового мировоззрения, новой идеологии [Гусельцева, 2013b].

Национальные исследовательские традиции также складывались в это время. Первая из них – английская интеллектуальная традиция – была представлена ассоциативной психологией. Ее основная черта – *эмпиризм*. Практически вся ассоциативная школа, если мы обратимся к ее представителям, – выходцы из Туманного Альбиона, англичане, британцы. Эмпиризм и ассоцианизм составили специфику британской интеллектуальной традиции, английской национальной культурно-исторической школы как феномена истории науки. Д.Гартли, зачинатель ассоциативной психологии, Г.Спенсер, ее завершитель и создатель первой исследовательской программы, относятся к этой интеллектуальной традиции. Помимо эмпиризма и *ассоцианизма* как универсального механизма и объяснительного принципа работы психики, в британской интеллектуальной традиции разрабатывалась еще одна влиятельная идея – *эволюционизм*, основа эволюционной теории.

Что английская интеллектуальная традиция внесла в эволюцию психологического знания? Это идеи эмпирической психологии (Ф.Бэкон, Т.Гоббс, Дж.Локк, Дж.Беркли, Д.Юм), ассоциации (Т.Гоббс, Дж.Локк, Д.Юм) и эволюционизма (Ч.Дарвин, А.Бэн, Г.Спенсер). В истории психологии культурно-историческая компонента не является магистральной линией исследования, однако именно историческая психология культуры позволяет выявить специфику становления и развития эволюции психологического знания в логике национальных научных школ.

Немецкая интеллектуальная традиция представлена именами Г.Лейбница и Х.Вольфа, И.Канта и И.Гердера. Ее визитной карточкой стала *идея бессознательной психики*, которая появилась в учении Г.Лейбница, получила оригинальную разработку в концепции статики и динамики представлений И.Гербарта, а в дальнейшем продолжала развитие в психоанализе [5].

Идея апперцепции прослеживается в трудах Г.Лейбница, И.Канта, И.Гербарта, В.Вундта, эти авторы предложили собственные определения апперцепции. Точно так же Т.Гоббс, Дж.Локк, Д.Юм по-разному трактовали ассоциацию. Обратим внимание, что когда мы перечисляем тех, кто использовал понятие «апперцепция», звучат немецкие имена, когда же обращаемся к понятию

«ассоциация» – его разрабатывали преимущественно англичане. Таким образом, психологические идеи прорастали в недрах той или иной исследовательской традиции, которая разрабатывалась в определенном культурно-историческом контексте национальных психологических школ.

Идею психической активности, духовной активности, спонтанной активности духа также раскрыла немецкая интеллектуальная традиция. Эта идея появилась в учении В.Гумбольдта, изучавшего язык как духовную деятельность, самодеятельность духа, она прослеживается в философской системе Г.Гегеля, где абсолютный дух проходит через этапы саморазвития. *Идея деятельности* – ведущая идея немецкой классической философии (И.Кант, Ф.Шеллинг, Г.Фихте, Г.Гегель, И.Фейербах, К.Маркс). *Идея культуры* в немецкой интеллектуальной традиции разворачивалась в контексте антропологического и философского дискурса (Дж.Вико, И.Гердер, В.Гумбольдт, неокантианцы).

Идеи рационализма (рациональности) и духовной активности (спонтанной активности души) в немецкой интеллектуальной традиции накладывали специфику на научное знание в целом. Такие представления являлись предпосылками для развития эстетики, этики, языкознания и даже юриспруденции. Считалось, что именно спонтанная активность души вносит гармонию в произведения искусства. Развитие индивидуальной души и развитие национальной души, народного духа – части единого исторического процесса. Отсюда был один шаг до психологии народов – начала линии культурно-исторических подходов.

Интеллектуальные исследовательские традиции складывались на классическом этапе развития науки. На неклассическом этапе эволюции психологического знания традиции начинают смешиваться, однако еще видна их преемственность, и в плавильном тигле неклассической рациональности рождается их новый синтез [\[6\]](#).

Французская интеллектуальная традиция – одна из наиболее разнообразных и противоречивых. В ней *идея культуры* раскрывается в ипостаси социальности. Если идея деятельности в эпоху Просвещения наиболее выражена в немецкой интеллектуальной традиции, то идеи общества и культуры в разных исследовательских традициях отличает национальная специфика. Так, немецкие ученые склонялись к изучению культуры в русле философии истории, тогда как французская идея культуры разворачивалась в плане понимания общественной обусловленности развития психики.

Другие достижения французской интеллектуальной традиции связаны с феноменологией *внушения* (гипнотизма), методом *патографии* (изучения психики на основе патологии) – в этом контексте рождалась клиническая психология. *Идея социальности*, социогенетического развития психики и социокультурной модернизации общества звучала во французской интеллектуальной традиции особенно ярко.

Обратившись к тому, как по-разному эпоха Просвещения претворилась в странах в зависимости от культурно-исторической специфики – в Англии, Германии, Франции, – отметим, что движение немецкого Просвещения породило реформы образования и университетов (например, Берлинский университет как очаг новой культуры), тогда как французское Просвещение – идеологию социального переустройства, одновременно здесь была реализована идея Энциклопедии всех «наук, искусств и ремесел» (Ж.Д’Аламбер, Д.Дидро). Английские же просветители фокусировались в области экономики как саморегулирующейся сферы жизни, развивали идеи индивидуализма.

Отметим еще одну важную деталь. В русле национальных интеллектуальных традиций магистрально разрабатывались определенные идеи (например, идея бессознательной психики в немецкой исследовательской школе). Однако это не означает, что подобные идеи не разрабатывались в соседних странах. Они развивались латентно и неочевидно. Так, идея бессознательного проявилась в концепции двух кругов психики Д.Гартли («неосознанное» – в английской интеллектуальной традиции), в исследовании феноменов гипнотизма П.Жане (под именем «подсознательное» – во французской интеллектуальной традиции).

Немецкая психология может быть охарактеризована как экспериментальная, физиологическая, философская, культурно-историческая. Французская психология – материалистическая (физиологическая), клиническая, социально-генетическая. Английская психология – эмпирическая, сравнительная, социально-антропологическая психология. Если эмпиризм и сенсуализм – исследовательские установки преимущественно английской традиции, то рационализм – немецкой и французской. При этом немецкий рационализм в большей степени идеалистический, тогда как французский – материалистический. В эпоху французского Просвещения рационализм и материализм соединились во французской физиологической психологии.

Таким образом, становление психологии в качестве самостоятельной науки, возникновение первой парадигмы, исследовательских программ, психологических школ происходило в обрамлении развития национальных интеллектуальных традиций, которые впоследствии смешивались, размывались, и современные психологические направления (постнеклассические) практически утратили национальную, культурно-историческую специфику, характерную для классического и неклассического этапов эволюции психологического знания (принцип глобализации).

Проблема переводимости исследовательского дискурса

Как показал Р.Коллинз, именно гуманитарное и социальное знание в большей степени обусловлено культурно-историческим контекстом [Коллинз, 2009]. Психология же – наука со сложным дисциплинарным статусом. Изначально ей не удавалось утвердиться в качестве вполне естественной, «позитивной науки», однако она отчаянно сопротивлялась осознанию себя гуманитарной и социальной наукой. Проблема обоснования гуманитарного, психологического, социологического знания (при каких условиях такого рода знание может называться научным) актуализировалась к концу XIX в. И здесь мы вновь можем наблюдать различие интеллектуальных традиций. В британской интеллектуальной традиции знание считалось научным, если оно эмпирически подтверждено. И такое положение вещей сохраняется в наши дни: психология в англоязычных странах – прежде всего эмпирическая наука. Если эмпирического подтверждения знанию не находится, его относят к ведению философии, гуманитарным исследованиям, но не к психологии. А вот в немецкой традиции иначе.

За этим лежит разный ответ на вопрос: что есть наука? В британской традиции научное знание – это факт и его обоснование. Наука – то, что может быть подтверждено эмпирически (и это было отрефлексировано в исследовательской программе Ф.Бэкона). А в немецкой традиции должна быть соблюдена процедура достижения объективного и достоверного знания. Теоретически обоснованное и доказанное знание – это и есть наука. Так, если все необходимые процедуры рассуждения соблюдены, экспериментального подтверждения не требуется, оно избыточно. Заметим, что в современной российской познавательной ситуации довольно остро выражена установка именно на эмпирическое знание. Однако она не вполне органична для отечественной интеллектуальной традиции, стремящейся к энциклопедизму («всеединство» (В.С.Соловьев), «соборность» (А.С.Хомяков), «симфония» (Л.П.Карсавин)), философски и аксиологически нагруженной^[7].

Давать исследовательским традициям оценки – занятие неблагодарное и ненаучное, однако важно рефлексировать их разнообразие. Более того, их несоизмеримость создает проблему понимания и перевода с языка одной научной рациональности на другой (так, индуктивный способ рассуждения скорее присущ британской традиции, а дедуктивный – немецкой и французской). Примером различия интеллектуальных традиций могут служить переводы трудов Г.Лейбница. Так, Р.Смит отмечает: «общеизвестно, что утверждения Лейбница малопонятны англоязычным читателям» [Смит, 2008, с. 229]. Однако дело не сводится лишь к языковому барьеру: даже в пространстве одного научного сообщества философский дискурс трудно доступен исследователям с эмпирическим складом ума и, наоборот, «герменевтически воспитанное сознание» (М.Хайдеггер) всячески уклоняется от позитивистских выкладок.

Для английской исследовательской традиции приоритетен прагматизм знания. Знание всегда преследует какую-то цель, необходимо для решения прикладных задач. Оно должно служить пользе общества. В немецкой традиции такого нет. В современной познавательной ситуации, где разные линии смешались, эти установки стало сложнее разводить, а вот в эпоху Просвещения они видны довольно четко: так, немецкая интеллектуальная традиция развивала идеи бескорыстного знания, служения знанию, романтизм выдвинул лозунги «искусство ради искусства», «наука ради науки», доказывая, что искусство и познание самоценны. Не с этим ли были связаны успехи системы фундаментального образования в Германии?

Однако *знание ради пользы* или *знание ради знания*, прагматизм науки на службе обществу или бескорыстное служение познания культуре – суть крайности [8]. Доминирование той или иной установки влечет за собой потерю эффективности, необходим их оптимум. Так, Т.Б.Романовская обратила внимание на отставание в развитии французской науки середины XIX в. от английской и немецкой: «...большинство значительных работ в области естествознания и точных наук стали принадлежать немецким и английским ученым, в отличие от начала века, когда целое созвездие выдающихся физиков, математиков и механиков жило и работало во Франции» [Романовская, 1998]. Оказалось, что развитие «задавил» прагматизм: когда «подрезали крылья» фундаментальному знанию, то и прикладные успехи исчезли. Это свидетельствует о том, что нельзя пренебрегать никакими видами знания – ни теоретическим, ни прикладным, ни творческим [9].

Таким образом, в национальных интеллектуальных традициях складывались разные образы науки. В немецкой традиции наука – знание рациональное, имеющее в своей основе рациональность. Английская традиция – эмпирическая, поэтому наука здесь – это прежде всего естественные науки (знание, находящее эмпирическое подтверждение). Являются ли науками при такой трактовке история, филология, теология? В английской интеллектуальной традиции это гуманитарные исследования (humanities). Однако в таком случае статус психологических и общественных наук оказывается слегка подвешенным. Вопрос о том, является ли социология или психология науками, решается в английской традиции следующим образом: могут ли эти дисциплины объяснять явления так, как представители естественных наук, а именно – подтверждать получаемое знание эмпирическим методом? Во французской, немецкой и российской исследовательских традициях – социологическое и психологическое знание является научным тогда, когда соблюдены процедуры рациональности, то есть знание рационально обосновано. Таким образом, в одном случае происходит эмпирическое тестирование, в другом – теоретическая экспертиза. Эти позиции и акценты закреплены в институциональной практике, где индуктивный и дедуктивный методы явились соответственно предпосылками эмпиризма или рационализма. Более того, эпистемологические традиции позволяют объяснить и феномены повседневной жизни разных народов. Так, М.М.Карпович обращает внимание на различное отношение к компромиссу: в английской интеллектуальной традиции это добродетель, а в российской – порок [Карпович, 2012] [10].

В контексте различных интеллектуальных традиций складывались в XX в. антропологические школы – американская, британская, германская и французская. Э.Дево в контексте антропологии поставил вопрос о роли национальных традиций в становлении данной дисциплины [Дево, 2007]. Американская интеллектуальная традиция известна под названием *культурной антропологии*, которая включает в себя целый комплекс дисциплин антропологического цикла: этнографию (описывающую особенности различных культур), этнологию (теоретическую антропологию, ориентированную уже не на описание, а на сравнительный анализ культур), а также археологическое, лингвистическое и психологическое знание. Важно отметить, что в этой традиции культура выступала как самостоятельная сфера изучения и развития [Каравкин, 2010].

В британской интеллектуальной традиции развивалась *социальная антропология*, в рамках которой культура рассматривалась в качестве явления, прежде всего, общественной жизни. К эволюционистской парадигме, ориентированной на идеалы классической рациональности, принадлежали Л.Морган, Г.Спенсер, Э.Тайлор, Дж.Фрезер. Структурно-функциональный подход,

поддерживающий идеал неклассической рациональности, развивали Б.Малиновский, А.Р.Рэдклифф-Браун, Э.Эванс-Причард.

Немецкая антропологическая традиция реализовывалась в дисциплинарных формах *этнографии* (вспомогательная дисциплина, накапливающая первичный материал посредством полевых исследований), *этнологии* (теоретический анализ особенностей образа жизни и развития человека в разных культурах) и *народоведения* (сравнительное изучение особенностей культуры и быта различных этносов и социальных групп). Одновременно в методологическом контексте неокантианства и феноменологии развивалось направление *философской антропологии* (М.Шелер, П.Ландсберг, Х.Плеснер, А.Гелен). Для этой традиции были характерны деятельностные трактовки культуры.

Французская антропологическая традиция развивалась под знаменами этнологии, науки о человеке, исторической антропологии и представляет на сегодняшний день разнообразие исследовательских направлений [Абелес, 2005].

В российской интеллектуальной традиции под антропологией долгое время понималась физическая антропология, ориентирующаяся на биологические науки и естествознание, и лишь в начале XX в. в отечественной этнографии возникло движение к наукам исторического цикла (подробнее см: [Преображенский, 2005])^[11]. Вместе с тем Р.Дарнелл предполагает, что существует «специфический национальный контекст», позволяющий говорить о «самобытности российской антропологии» [Дарнелл, 2007, с. 25].

В становлении национальной антропологической науки важную роль играла общая картина дисциплинарных связей, в контексте которой складывались различные дисциплины [Дево, 2007]. Так, согласно Э.Дево, британская интеллектуальная традиция в большей степени ориентирована на категорию «право», нежели «общество» или «культура» [Там же].

В свою очередь Е.В.Водопьянова, использующая конструкт «национальные традиции», обратила внимание на разные тематические спектры британской, немецкой и французской науки. Так, интеллектуальным стилем британской исследовательской традиции выступил приоритет *эксперимента и изобретения*. Начиная с Нового времени «основной характеристикой английской науки является ее опытно-экспериментальная доминанта» [Водопьянова, 2004]. В XVII в. фактически сложились «тематические и стилевые приоритеты английской науки», к которым и сегодня «относятся медицина, микроэлектроника и биотехнологии, физика, инженерия и химия» [Там же]. Приоритетом немецкой науки являются *теории и технологии*. «В сфере прикладной науки Германии сегодня доминируют такие области исследований, как химия, фармацевтика, электроника, оптика и машиностроение. Если сравнить их с вышеназванными британскими технологическими приоритетами: медициной, микроэлектроникой и биотехнологиями, то мы получим вполне очевидное взаимодополнение между национальными научными спектрами» [Там же]. Во французской науке приоритетными являются *математика и социальная прагматика*. «Национальные исследовательские приоритеты Франции сегодня – это прикладная химия, математика, информационные технологии, фармацевтика, космические исследования и авиация, энергетика, защита окружающей среды и исследования в области гуманитарных наук. В том, что этот тематический спектр на протяжении вот уже четырех веков остается весьма стабильным, – разумеется, с поправками, вносимыми постиндустриальным обществом, – весьма значительна роль французской культуры» [Там же].

Заключение

Представленный в данной статье проект исторической психологии культуры – лишь начало исследовательского пути. Он вызывает к дискуссиям, провокативен и незавершен.

Одной из важных задач исторической психологии культуры является выявление особенностей становления национальных научных школ именно в контексте порождающей их культуры и текущей социокультурной ситуации. Интеллектуальные исследовательские традиции выступают своего рода мостом между исследованиями национального характера и социокультурно обусловленными особенностями дисциплинарных связей, в сети которых складываются научные школы, ведущие подходы и направления науки.

Литература

- Абелес М. [Abeles M.] Об антропологии Франции. Этнографическое обозрение, 2005, No. 2, 69–74.
- Анцыферова Л.И. Ж.-П.Вернан об исторической психологии. Вопросы психологии, 1967, No. 4, 188–190.
- Асмолов А.Г. Социальная биография культурно-исторической психологии. В кн.: Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–18.
- Барт Р. [Bart R.] Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994.
- Белявский И.Г. Теоретико-методологические основы психолого-исторических исследований: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Ростовский государственный университет, Ростов-на-Дону, 1985.
- Белявский И.Г., Шкуратов В.А. Проблемы исторической психологии. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 1982.
- Валицкий А. Интеллектуальная традиция дореволюционной России. Общественные науки и современность, 1991, No. 1, 146–160.
- Василюк Ф.Е. Методологический анализ в психологии. М.: Смысл, 2003.
- Вебер М. [Weber] Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вежбицкая А. Язык, культура, познание. М.: Русские словари, 1996.
- Водопьянова Е.В. Национальные традиции науки. Современная Европа: журнал общественно-политических исследований, 2004, No. 1. <http://www.ieras.ru/vodop2.htm>
- Гомбрих Э. [Gombrich] Амбивалентность классической традиции: психология культуры Аби Варбурга. Новое литературное обозрение, 1999, No. 39, 7–23.
- Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005.
- Гусельцева М.С. Культурно-историческая психология и «вызовы» постмодернизма. Вопросы психологии, 2002, No. 3, 119–131.
- Гусельцева М.С. Культура как психологическая реальность: опыт идеального моделирования. Вопросы психологии, 2007а, No. 5, 13–24.
- Гусельцева М.С. Культурная психология: методология, история, перспективы. М.: Прометей, 2007б.

Гусельцева М.С. Культурно-аналитический подход в психологии и методологии междисциплинарных исследований. Вопросы психологии, 2009, No. 5, 16–26.

Гусельцева М.С. Психология и история: от макроанализа – к микроанализу. Психологические исследования, 2010, No. 2(10), 10. <http://psystudy.ru>

Гусельцева М.С. Наследие В.А.Роменца и идея культурно-исторической психологии. В кн.: Психологія вчинку: шляхами творчості В.А.Роменця. Киев: Лыбидь, 2012. С. 44–56.

Гусельцева М.С. Национальные интеллектуальные традиции в эволюции психологического знания. Вопросы психологии, 2013a, No. 5, 3–13.

Гусельцева М.С. Социальное пространство как основание для полипарадигмального синтеза. Психологические исследования, 2013b, 6(30), 1. <http://psystudy.ru>

Дарнелл Р. [Darnell] О национальных традициях и метафорах науки. Этнографическое обозрение, 2007, No. 5, 25–29.

Дево Э. [Desveaux] Две традиции в антропологии: американский геологизм и французский биологизм. Этнографическое обозрение, 2008, No. 2, 3–18.

Заде Л.А. Основы нового подхода к анализу сложных систем и процессов принятия решения. В кн.: Математика сегодня. М.: Знание, 1974. С. 5–48.

Зинченко В.П., Пружинин Б.И., Щедрина Т.Г. Истоки культурно-исторической психологии: философско-гуманитарный контекст. М.: РОССПЭН, 2010.

Ждан А.Н. Особенности исследовательских традиций отечественной психологии в сопоставлении с всемирной психологической мыслью. Психея + Клио: электрон. журн. по истории психологии, 2010, 2(2). <http://www.psyhistory.ru/index.php?VSN=35>

Каравкин В.И. Идеальная модель культуры. М.: О.Г.И., 2010.

Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М.: Русский путь, 2012.

Кауппи Н. [Kauppi] Социолог как моралист: «практика теории» у Пьера Бурдьё и французская интеллектуальная традиция. Новое литературное обозрение, 2000, No. 45. <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/45/kauppi.html>

Коллинз Р. [Collins] Четыре социологических традиции. М.: Территория будущего, 2009.

Кривцун О.А. Историческая психология и художественный процесс. Психологический журнал, 1990, No. 5, 86–94.

Кривцун О.А. Историческая психология и история искусств. М.: Государственный институт искусствознания, 1997.

Мандру Р. [Mandrou] Франция раннего Нового времени. 1500–1640. Эссе по исторической психологии. М.: Территория будущего, 2010.

Маркелов Г.И. Личность как культурно-историческое явление. Этюды по истории индивидуальности. СПб.: Типография товарищества «Общественная Польза», 1912.

Пастухов В.Б. Тёмный век. Посткоммунизм как «черная дыра» русской истории. Политические исследования, 2007, No. 3. <http://www.politstudies.ru/fulltext/2007/3/3.htm>

Преображенский П.Ф. Курс этнологии. М.: Едиториал УРСС, 2005.

Репина Л.П. Интеллектуальные традиции и научные школы: к методологии исследования. В кн.: Историк и его дело. Вып. 8. Ижевск: Удмуртский университет, 2008. С. 5–12.

Робинсон Д. [Robinson] Интеллектуальная история психологии. М.: Институт философии, теологии и истории Св. Фомы, 2005.

Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука, 1991.

Романовская Т.Б. К анализу понятия «национальная наука»: постановка проблемы. В кн.: Е. А. Мамчур (Ред.), Социокультурный контекст науки. М.: Институт философии РАН, 1998. http://sbiblio.com/biblio/archive/mamchur_soc/03.aspx

Саугстад П. [Saugstad] История психологии от истоков до наших дней: имена, идеи, биография, направления, школы. Самара: Бахрах-М, 2008.

Смит Р. [Smith] История гуманитарных наук. М.: ГУ ВШЭ, 2008.

Сорина Г.В. Психологизм и антипсихологизм: возникновение, циклы подъема и спада в культуре. В кн.: В.Н. Блошкин (Ред.), Логическое кантоведение-4. Труды международного семинара. Калининград, 1998. http://sbiblio.com/biblio/archive/brushkin_logich/02.aspx

Токарев С.А. История русской этнографии: Дооктябрьский период. М.: ЛИБРОКОМ, 2012.

Февр Л. [Febvre] История и психология. В кн.: Бои за историю. М.: Наука, 1991. С. 97–108.

Шилков Ю.М. К психологии культуры. Вестник Санкт-Петербургского университета, 1998, No. 4. <http://anthropology.ru/ru/texts/shilkov/phcult.html>

Шилков Ю.М. Психология культуры и историческое познание. В кн.: *Miscellanea humanitaria philosophiae*. Очерки по философии и культуре. К 60-летию профессора Юрия Никифоровича Солонина. Серия «Мыслители». Вып. 5. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. С. 309–323.

Шкуратов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания. В кн.: Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1991. С. 103–114.

Шкуратов В.А. Историческая психология. Ростов-на-Дону: Город N, 1994.

Улыбина Е.В. Модель метафоры в психологии культуры. Русская антропологическая школа: заседания осеннего семестра 2003 г. <http://kogni.ru/index/0-9>

Улыбина Е.В. Психология культуры: программа курса для специальности 24.00.01 – Теория и история культуры. 2004. <http://kogni.narod.ru/psychcult.htm>

Этнология – антропология – культурология: новые водоразделы и перспективы взаимодействия: материалы международной научной конференции, Москва, 3–5 апреля 2008 . М.: Весь мир, 2009.

Barbu Z. Problems of historical psychology. New York: Grove Press, 1960.

Cole M. Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

Duby G. Histoire des mentalités. In: L'histoire et ses méthodes. Recherches, conservation et critique des témoignages Paris: Gallimard, 1961. pp. 937–966.

Mandrou R. Introduction à la France moderne. Essai de psychologie historique, 1500–1640. Paris: Albin Michel, 1961.

Meyerson I. Les fonctions psychologiques et les oeuvres. Paris: Vrin, 1948.

van den Berg J.H. The changing nature of man: Introduction to a historical psychology. New York: Norton, 1961.

van den Berg J.H. Metabletica, ou la psychologie historique. Paris: Buchet, 1962.

Vernant J.-P. Mythe Et Pensée Chez les Grecs: Études de Psychologie Historique. Paris: Maspero, 1965.

Примечания

[1] В методологическом анализе Ф.Е.Василюк выделил триаду основополагающих психологических понятий «психика – практика – культура» и показал, что Л.С.Выготскому удалось не просто вывести психику из трех сосен интроспективной методологии, но и соединить ее с практикой и культурой; З.Фрейд не только создал психотехнический метод работы с психикой, но и осуществил синтез практики, культуры и психики. Однако Ф.Е.Василюку не удалось обнаружить концепцию, поставившую во главу угла *культуру* и связавшую ее в единой методологической сети с психикой и практикой [Василюк, 2003]. Культурно-аналитический подход – это методология, связывающая «психику» с «практикой» через категорию «культура».

[2] Следует отметить, что под «категорией» в культурно-аналитическом подходе понимается сложное понятие, требующее дифференциации и перевода с философского уровня на конкретно-научный (т.е. выделения скрывающихся за одним понятием разных уровней реальности – так, «культура» была продифференцирована нами: культура-ноосфера, культуры-этноты, культуры-миры, культуры-психотехники [Гусельцева, 2007а]). Собственно культурно-психологический анализ и предполагает, с одной стороны, различение культурно-психологических реальностей, прячущихся за общим понятием, а с другой – обнаружение в психологии и смежных областях знаний под разными названиями сходных культурно-психологических феноменов.

[3] Напомним, что «научно-исследовательская программа» – термин И.Лакатоса, который является синонимом понятий «парадигма» (Т.Кун) и «методология».

[4] «Идеальный тип – не «гипотеза», он лишь указывает, в каком направлении должно идти образование гипотез. Не дает он и *изображения* действительности, но представляет для этого однозначные средства выражения» [Вебер, 1990, с. 389]. Идеальный тип «создается посредством одностороннего усиления одной или нескольких точек зрения и соединения множества диффузно и дискретно существующих *единичных* явлений..., которые соответствуют тем односторонне вычлененным точкам зрения и складываются в *единый мысленный* образ. В реальной действительности такой мысленный образ в его понятийной чистоте нигде эмпирически не обнаруживается – это *утопия*. Задача исторического исследования состоит в том, чтобы в каждом отдельном случае установить, насколько действительность близка такому мысленному образу или далека от него...» [Там же, с. 390].

[5] В эпоху Просвещения существовали Британская, Французская и Священная Римская империи (начиная с 1512 г. до 1806 г., в последнюю входили Германия в качестве национального центра,

значительные части Италии, Чехия, Нидерланды, отдельные регионы Франции), а в конце XIX в. появились Германская (включающая Саксонию, Пруссию и Баварию) и Австро-Венгерская империи. (Под империями мы понимаем здесь централизованные национальные государства, преимущественно сформировавшиеся в эпоху Нового времени.) Таким образом, психоанализ в качестве австрийского культурно-исторического феномена, как Венская психологическая школа, представляет собой продолжение и развитие немецкой интеллектуальной традиции. Более того, норвежская психология, согласно П.Саугстаду, также относит себя к немецкой интеллектуальной традиции [Саугстад, 2008]. Есть идеальные типы и историко-культурные конкретизации, где вектор немецкой интеллектуальной традиции простирается от учения Г.Лейбница до наследия З.Фрейда.

[6] Так, в подходах С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева и Л.С.Выготского представлены интеллектуальные традиции ведущих европейских психологических школ, при этом в концепции А.Н.Леонтьева представлена немецкая интеллектуальная традиция с ее идеей деятельности, а также спенсеровский эволюционный подход к развитию психики, а в подходе Л.С.Выготского прослеживается выраженное влияние французских социологической и психологической школ с их акцентом на социализацию и культурные факторы в развитии психики. Наследие же С.Л.Рубинштейна раскрывает свою глубину в контексте неокантианской исследовательской традиции.

[7] Сформулировавший *принцип несовместимости сложности и точности анализа* Л.А.Заде убедительно показал, что так называемые объективные и количественные методы непригодны не только для гуманитарных наук, но и для изучения в принципе достаточно сложных реальностей: «Для систем, сложность которых превосходит некоторый пороговый уровень, точность и практический смысл становятся почти исключаящими друг друга характеристиками» [Заде, 1974, с. 7].

[8] Так, эти подходы – знание для практических нужд и знание ради знания – отражают идеальные типы культуры познания Рима и Греции. Как известно, у Рима не было особых достижений в сфере искусства (римское право – его сила), тогда как Греция дала радостный фейерверк открытий, определивших века развития культур и важных по сей день. Это обусловлено в том числе познавательными установками. *Если у греков развивалось искусство ради искусства, то у римлян было искусство ради пользы.* Греческий дискурс радостен, свободен, синкретичен, избыточен. Римский дискурс ориентирован на пользу. «Искусство и религию, бывшие у греков свободным проявлением духа, римляне заставили служить утилитарным целям. <...>. Стремление к истине и красоте заменилось стремлением к пользе. Вдохновение сменилось рассудочностью, поэзия прозой, место религии как мирозерцания заняла религия как обрядовый государственный культ» [Маркелов, 1912, с. 156].

[9] «...Франция, находившаяся в постоянных войнах, забиравших большую часть мужского населения, испытывала нужду прежде всего в практических приложениях научной деятельности, способных восполнить недостаток рабочих рук. Отсюда особое внимание прикладным наукам в ущерб фундаментальным. И подобная система приоритетов соединялась с унаследованной от времен Французской революции настороженностью ко всему выдающемуся, выходящему за рамки обычного, как элитарному, а значит, и способствовавшему несправедливости. Отсюда и возникают дополнительные ограничения на развитие и поддержку смелых научных теорий в области фундаментальных наук как оторванных от практических нужд» [Романовская, 1998].

[10] «Типичные либеральные добродетели, как терпимость и способность смотреть на вещи с разных сторон, ... подвергались насмешкам. <...>. Либералы, именно потому, что они либералы, больше склонны к плюрализму, нежели к монизму... <...>. Либерализм склонен к дифференциации различных областей человеческой деятельности, что противоречит тоталитарной тенденции обеих крайностей» [Карпович, 2012, с. 208].

[11] Так, в российской интеллектуальной традиции антропология долгое время воспринималась как

биологическая наука, изучающая проблемы гоминизации, антропогенеза. Например, С.А.Токарев относил антропологию к естественным наукам, а к гуманитарным – лингвистику и экономику [Токарев, 2012]. Такая классификация естественных и гуманитарных наук выглядит достаточно произвольной, и возникает вопрос: на основании каких критериев она разработана автором? П.Ф.Преображенский отмечал, что в России этнология и этнография традиционного входили в состав естественнонаучного образования и преподавались на физико-математических факультетах [Преображенский, 2005], сходное положение вещей сохранялось и в советскую эпоху, где учебные курсы антропологии были позитивистски ориентированы. «В России под антропологией по-прежнему подразумевают в первую очередь физическую антропологию, в то время как во всем остальном мире под антропологией понимается совокупность наук о человеке» [Этнология – антропология – культурология..., 2009, с. 17].

Поступила в редакцию 20 августа 2013 г. Дата публикации: 17 февраля 2014 г.

[Сведения об авторе](#)

Гусельцева Марина Сергеевна. Кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, лаборатория психологии подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: mguseltseva@mail.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Гусельцева М.С. Интеллектуальные исследовательские традиции как вопрос исторической психологии культуры. Психологические исследования, 2014, 7(33), 5. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Гусельцева М.С. Интеллектуальные исследовательские традиции как вопрос исторической психологии культуры // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 33. С. 5. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/931-guseltseva33.html>

[К началу страницы >>](#)